

Библиография

Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические группы и диаспоры Ставрополья: Краткий справочник. Ставрополь, 1997.

Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть первая. XIX — начало XX в.) // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1997.

Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб., 2008.

O.B. Старостина

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ РИТУАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКОВ

Традиционный ритуальный костюм таджиков, как и повседневные комплексы одежды, отражает при помощи цвета, материала, покроя и орнаментации ряд признаков, присущих той или иной половозрастной группе. Однако наряду с отличиями можно определить и некоторые сходные черты в покрое и цвете ритуальной одежды, одеваемой в соответствии с изменением статуса человека, например, рождением, инициацией, свадьбой, похоронами, трауром, а также выявить некоторые элементы костюма, являющиеся в традиционных представлениях обязательными атрибутами обрядов жизненного цикла. Основным аспектом предложенной работы является выявление тех особенностей ритуального женского костюма, посредством которых маркировалась переходное состояние женщины.

Хотелось бы отметить, что любая ритуальная одежда, например пеленки для новорожденных, первые рубашки, свадебное и траурное платье, похоронная одежда и саван, кроилась без использования ножниц. Ткань разрывали по нитям основы или утка.

Наиболее близкими, как с семантической точки зрения, так и по цвету и форме являются первые пеленки новорожденного и саван. Согласно традиционным представлениям таджиков, и ребенок, и покойный находятся в переходном состоянии, близком к потустороннему миру — миру мертвых и, следовательно, еще или уже не относятся к миру живых и семейному коллективу. Так же как и покойный, которого заворачивают в белый саван,

младенец не имеет сшитой одежды, до отпадения пуповины его обычно заворачивали в мягкую ткань, которой могли быть платье или платок матери, бабушки, отца или деда. По мнению З.А. Широковой это делалось для придания ребенку долголетия [Широкова 2002: 23].

Д.А. Люшкевич описывала еще один редкий вид одежды младенца, близкий к погребальной одежде: своеобразный нагрудник — *синабанд*, представляющий собой цельнокроенную несшитую рубаху [Люшкевич 1978: 140] и бытовавший у таджиков Ферганской долины. Аналогичный вид одежды входил в состав мужского и женского савана [Таджики Каратегина и Дарваза 1976: 135] — это нижняя погребальная «рубаха» — *курта*.

Следующие виды ритуальной одежды относятся к сшитому типу и, за некоторыми исключениями, не входили в традиционный погребальный костюм. Нижняя плечевая ритуальная одежда по основным деталям кроя не отличалась от повседневной. Ее особый статус определяли отдельные приемы шитья и цветовые особенности некоторых деталей. Так, у детских рубашечек обычно подол, ворот и концы рукавов не подшивали. Считалось, что обрезание лишних кусков ткани, а также подшивание укорачивает жизнь ребенку, препятствует его росту, полноте и здоровью [Наливкин, Наливкина 1886: 174]. Согласно сообщению супругов Наливкиных, в Ферганской долине не подшивали также подол рубахи молодухи, т.е. фактически ее свадебного платья, так как по местным представлениям это могло вызвать бесплодие [Там же: 95].

Одной из наиболее ярких черт женской ритуальной одежды является отсутствие цветового выделения ластовицы. С цветными ластовицами (*кульфак*; *кульф* — замок, тадж.) был связан ряд поверий. Они были обязательным элементом нательной одежды fertильной женщины, который призван обеспечить плодовитость [Писарчик 1979: 115]. Согласно традиционным представлениям душа покидала тело через подмышку. Использование контрастных тканей и амулетов «удерживало» в теле душу человека [Фахретдинова 1988: 144]. Однако в рубашках детей до трех лет (т.е. той возрастной группы, в которой не определялась полу-

вая дифференциация) ластовицы изготавлялись из той же ткани, что и все платье. Лишь в исключительных случаях, когда дети в семье умирали или ребенок был долгожданным, ластовицы рубашечки делались цветными [Фахретдинова 1988: 144].

В свадебных платьях и платьях, заготовляемых для приданого, в которых в дальнейшем ходила молодуха, ластовицы делались из того же материала, что и все платье. В траурных рубахах ластовицы также никогда не делались цветными.

Детскую нательную и ритуальную одежду сближают не только особенности шитья и детали кроя, но и цвет. Материалом для изготовления детской рубашечки служила обычно белая хлопчатобумажная ткань, иногда в мелкий цветочный рисунок [Наливкин, Наливкина 1886: 174], нижнее платье невесты и молодухи шилось также из белой ткани. Если умирал кто-либо из самых близких родных, в знак глубокого траура надевали платье из белой гладкой хлопчатобумажной материи [Сухарева 1982: 25].

Общие черты имеет поясная детская и женская обрядовая одежда. В отличие от повседневной взрослой поясной одежды, детские штаны шили всегда из одного сорта ткани [Люшкевич 1978: 135], не вставляя ластовиц и верха другого цвета. Эта особенность характерна также для женской обрядовой одежды — свадебной и траурной. Поясная одежда — штаны — шилась для свадебного костюма из шелковой или полушелковой красной ткани с ярким абровым рисунком и не имела вставок и ластовиц из ткани другого сорта или цвета. В отличие от обычных шаровар, траурные всегда целиком шили из одной ткани, опасаясь, что в противном случае можно вызвать новые смерти. Как упоминалось выше, вставка из контрастной ткани, согласно традиционным представлениям таджиков, обеспечивала плодовитость женщины и одновременно являлась оберегом. В траурной одежде, вероятно, цветная ластовица воспринималась как средство вызывать «плодовитость» смерти.

Верхней плечевой ритуальной женской одеждой являлся особый вид халата. В Центральном Таджикистане, Бухарском оазисе, Пенджикенте и Самаркандской области, когда девочке исполнялось 12 лет, на нее впервые надевали старинный праздничный

халат *мунисак*, *калтacha* [Там же: 136]. Это торжество происходило по поводу первого *муджар* — окончания 12-летнего цикла. Девочка переходила в следующий возрастной класс и могла выходить замуж. В Самарканде существовал особый праздник *калтачапушон* [Сухарева 1982: 39], также связанный с переходом девочки в возрастную группу девушек. Название праздника происходило от названия вышеописанной старинной одежды.

В коллекции Российского этнографического музея, помимо нескольких экземпляров *мунисака*, хранится уникальная старинная девичья и женская верхняя одежда *пешево*, основным отличием которой является отсутствие подкладки. Она изготовлена из желтого в красную полоску шелка местного производства. Как отмечала О.А. Сухарева, халат *пешево* был известен в Самарканде и Бухаре во второй половине XIX в. в качестве праздничной одежды, к концу века он употреблялся лишь в качестве элемента траурного костюма [Там же: 42]. *Мунисак* без подкладки как элемент девичьего костюма сохранялся и в свадебной одежде. Молодуха носила его до рождения первенца, а при выходе на улицу набрасывала его на голову под паранджу [Там же: 36].

Пешево из ткани синего цвета [Люшкевич 1978: 136] считалось и траурной верхней плечевой одеждой. Близкие родственницы умершего отличались наиболее яркими и нарядными *пешево* [Сухарева 1982: 36], но носили их только первые несколько дней траура.

В случае смерти молодой девушки, невесты, молодухи или молодой замужней женщины в качестве погребального костюма использовался не саван, а полный комплект свадебной одежды, включавший и украшения, считавшиеся оберегом покойной [Муродов, Мардонова 1989: 116].

Большой белый платок, входивший в состав женского головного убора, фиксируется практически во всех ритуалах жизненного цикла. Такой платок использовался для закрывания младенца после обряда положения в колыбель. В зависимости от местности период сокрытия длился от трех до сорока дней [Троицкая 1927: 352]. Затем платок появлялся в костюме невесты и новобрачной. На ее голову набрасывали большой белый несложенный платок,

закрывавший лицо, грудь, плечи и всю спину, который молодая снимала только после первой брачной ночи в доме супруга.

Обязательной частью траурного головного убора был белый *лячак* [Люшкевич 1978: 143], закрывавший шею и грудь. В случае отсутствия данного элемента головного убора, например у девочек, девушек и пожилых женщин, его заменяли большим белым платком, один из углов которого перебрасывали на противоположное плечо. Белый платок использовали и как покрывало на лицо умершей женщины, так как, согласно традиционным представлениям, мужчины-родственники не должны видеть лица покойной, переставшей быть членом их семьи [Таджики Каратегина и Дарваза 1976: 123].

Праздничной и ритуальной обувью являлись туфли *кауши* и сапожки *махси*, которые изготавливали из парчи, сафьяна, шагрени, сукна бархата, украшали вышивкой, аппликацией из кожи.

Характерным отличием траурного женского костюма от повседневного и ритуального являлось наличие пояса, который представлял собой сложенный несколько раз большой платок, свободно завязанный на талии поверх *пешево*. Его надевали во время оплакивания покойного и при посещении могилы на второй, третий и сороковой день. В случае траура по мужу женщина снимала пояс после годовых поминок [Наливкин, Наливкина 1886: 231].

Таким образом, женский ритуальный костюм включал в себя следующие элементы, считавшиеся обязательными для ношения: белую рубаху и штаны, без выделения цветом ластовиц и линии шага, *пешево*, белый платок, а также мягкие сапожки и туфли.

Библиография

Бикджанова М. А. Одежда узбечек Ташкента XIX — начала XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Люшкевич Ф. Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. (Сб. МАЭ. Вып. XXIV).

Муродов О., Мардонова А. Некоторые традиционные погребальные обычаи и обряды у таджиков // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1989.

Наливкин В., Наливкина М. Очерт быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.

Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Стартинные женские платья и головные уборы. Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд. 2-я половина XIX — начало XX в. М., 1982.

Таджики Карагина и Дарваза / Ред. Н.А. Кисляков, А.К. Писарчик. Душанбе, 1976. Вып. 3.

Троицкая Л. А. Первые сорок дней ребенка среди оседлого населения Ташкента и Чемкентского уезда // Сб. В.В. Бартольду. Ташкент, 1927.

Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

Широкова З.А. Детская одежда таджиков и связанные с ней обряды // Этнографическое обозрение. 2002. № 4.

Н.А. Тлеубергенова

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО КАРАКАЛПАКОВ

Важным направлением исследования истории любого народа является изучение его ремесленной деятельности. Развитие ремесла в конкретную историческую эпоху — это один из показателей состояния общества, т.е. ремесленная деятельность и ее составляющие в какой-то мере отражают уровень социально-экономического и культурного роста на всем протяжении истории. Результаты ремесла в виде конкретной продукции передавались от поколения к поколению, составляя, таким образом, неотъемлемую часть материального наследия народа. И в этом отношении история каракалпаков не является исключением. Накопленные историко-этнографические материалы свидетельствуют, что в прошлом ремесло составляло основную сферу хозяйственной деятельности каракалпаков. Имея богатые исторические традиции и высокую художественную культуру, оно являлось наиболее развитой отраслью народного творчества.

Ремесла, связанные с обработкой металлов, на территории Каракалпакстана возникли в глубокой древности, еще тогда, когда люди научились изготавливать медные и бронзовые предметы. Это

O.B. Старостина

ДЕТСКИЙ ТАДЖИКСКИЙ КОСТЮМ ПО МАТЕРИАЛАМ ФОТОКОЛЛЕКЦИИ МН СССР

Уникальным источником по изучению детского таджикского костюма является фотоколлекция № 8763 Музея народов СССР, хранящаяся в фотоархиве РЭМ. Ранее данная коллекция не была исследована, и сведения о ней имеют отрывочный характер, фотографии практически не использовались для работы над научными статьями, выставками и экспозициями. Это было связано как с техническими сложностями хранения фотоархива, так и с тем, что при передаче экспонатов часть документации была утрачена, что значительно усложняет атрибуцию снимков, большая часть которых имеет формальные аннотации или же не имеет их вовсе.

История собрания в составе коллекции РЭМ началась в 1948 г., когда при расформировании Музея народов в Москве часть его экспонатов была передана в Государственный музей этнографии народов СССР. Общее число фотографий, относящихся к культуре таджикского народа, насчитывает 450 единиц хранения, они датированы историческим периодом с 1918 по 1938 г. Большая часть собрания посвящена изменениям, происходившим в это время в жизни Советского Таджикистана: создание новых органов власти, милиции, борьба с неграмотностью, индустриализация республики, строительство дорог, каналов, мостов, городов, организация новой системы дошкольного и школьного образования и т.д. Ценность коллекции, на наш взгляд, заключается в том, что наряду с традиционными формами материальной культуры таджиков в них отражены изменения, происходившие в различных сферах жизни местного населения, и в том числе в костюме. К сожалению, авторы большинства фотоснимков остаются неизвестны, как и источники формирования коллекции в целом. Часть собрания представляет собой фотоклише корреспондентов ТАСС Аркадия Самойловича Шай-

хета и Леонида Андреевича Великжанина, являвшихся основоположниками «пролетарского» направления советского фотоискусства 1930-х годов.

В собрании МН СССР представлено 40 фотографий детей от двух до двенадцати лет, проживавших в равнинных районах Таджикской ССР. Они датируются периодом с 1925 по 1937 г., что позволяет выявить половозрастные отличия детского костюма, его характерные черты, относящиеся к данному историческому времени, традиции и инновации в кроё, материале и составе костюма. В данном исследовании описываются семь фотографий, отражающих различные возрастные группы детей и являющихся наиболее типичными в коллекции.

На фотоснимке № 13047, датируемом примерно 1934–1935 гг. и сделанным в г. Сталинабаде, изображена «работница шелкомотальной фабрики с ребенком на руках». Ребенок примерно двухлетнего возраста. Судя по характерному головному убору и отсутствию сережек, это мальчик. Его костюм состоит из трех элементов одежды. На нем круглая тюбетейка, окольш которой обшил традиционной узорнотканой полосой *джияк* с кисточкой из ниток. Подобные головные уборы являлись характерным элементом традиционного костюма мальчиков и молодых мужчин и в более раннее время, в конце XIX — начале XX в. Рубашечка ребенка сшита, вероятно, из хлопчатобумажной светлой ткани с цветочным рисунком. Использование таких тканей для шитья детской нательной одежды являлось традиционным для равнинных таджиков. Рубашка имеет прямой разрез ворота, который является поломаркирующей деталью, сохранившейся в костюме мальчиков до 9–12 лет [Сухарева 1982: 22], и воротник-стойку, появившийся в мужском костюме лишь в конце 20-х годов XX в. Нехарактерными являются и штанишки ребенка, изготовленные из *абровой* ткани. Традиционно они входили в состав одежды девочек данной возрастной группы. Обращает на себя внимание и необычная для таджикского костюма манера ношения рубашки, заправленной в штаны.

Фотография № 13066 изображает «пожилого мужчину с девочкой на руках» примерно полутора–двуухлетнего возраста (Ленинабадский р-н, 1935 г.). Девочка одета в рубашечку из хлопча-

тобумажной ткани, вероятно туникообразного кроя, с рукавами, не суживающимися на концах и не закрывающими кистей рук, не имеющую ластовиц, что являлось особенностью детской нательной одежды данной возрастной группы в начале XX в.

Детский костюм мальчиков и девочек 2–3 лет представлен на снимке № 13146 «Детские ясли при шелкомотальном комбинате», сделанном в г. Ленинабаде в 1934 г. На фотографии изображены восемь мальчиков и пять девочек за чаепитием. Основу костюмов детей составляют традиционные элементы одежды: круглые шапочки, украшенные полосой *джияк* (у мальчиков они имеют кисточки), и рубашечки, которые отличаются от традиционных наличием манжет. На некоторых девочках надеты небольшие кольцевые сережки, браслетики из бусин и колечки. Браслеты из глазчатых бусин считались наиболее сильными оберегами от сглаза [Борозна 1975: 289] и бытовали в детском костюме на протяжении всего XX в. В конце XIX в. девочки надевали кольца в тот момент, когда начинали помогать матери по хозяйству, т.е. примерно с пяти лет. Ношение колец в таком раннем возрасте является исключением, не зафиксированным на других фотографиях коллекции. Белые передники, надетые поверх рубашечек, носили в 1930–1960-е годы все дети, посещавшие детские сады и ясли по всей стране. Ботинки и носки, несомненно, являются новым элементом детского костюма. Многие исследователи традиционного таджикского костюма отмечали, что дети, как правило, не имели обуви и ходили босиком.

Возрастная группа детей 7–8 лет представлена в фотоколлекции МН СССР примерно двадцатью снимками, на которых изображены уроки в различных кишлачных школах. Вплоть до 1950-х годов в Таджикистане не была введена обязательная школьная форма, что дает нам возможность рассмотреть различные элементы детской одежды, бытовавшей в 1930-х годах.

На фотографии № 13182 запечатлены шесть девочек, одетых в традиционные платья и головные уборы. На некоторых девочках повязаны платки, которые в более раннее время считались частью костюма девушек. Костюму мальчиков присущи все основные черты одежды начала XX в.: круглые шапочки с кисточками, рубахи и стеганые ватные халаты туникообразного кроя.

Особенностью фотоснимка «Первый урок в кишлачной школе» (№ 13193) является то, что на нем изображены только ученики-мальчики. Как и на предыдущем снимке, одежда детей не отличается от костюма мальчиков начала XX в. Обращает на себя внимание то, что на головах ребят намотана чалма, которая являлась непременным атрибутом одежды детей, обучавшихся в начальных религиозных школах *мектебах*. Ее надевали на детей также во время праздника, устраиваемого в честь обрезания, и на крупные годовые религиозные празднества. Вероятно, в 30-х годах XX в. первое посещение детьми школы рассматривалось семьей как изменение статуса ребенка, которое требовало внесения в костюм праздничных элементов.

Фотография № 13189, сделанная в 1930 г., является наиболее показательной в ряду аналогичных по тематике и содержанию снимков и фиксирует изменения в костюме мальчиков, произошедшие в силу влияния новых идеологических приоритетов, пришедших с формированием советской школы в Таджикистане. Мы можем наблюдать, что большинство учеников одеты в белые распашные рубашки с отложными воротниками, заправленными в штаны европейского края, некоторые из которых имеют лямки. На шеях повязаны пионерские галстуки. Резко отличаются от мальчиков девочки, на которых надеты традиционные длинные рубахи-платья, штаны, шапочки, на более старших — платки.

Костюм девочек старшей возрастной группы (11–12 лет) зафиксирован на групповой фотографии № 13179 «Кишлачная школа» (1935). Головные уборы и прически являются характерными для традиции начала XX в. Прически девочек сделаны на прямой пробор и представляют собой несколько туго заплетенных косичек. Шапочки без накосника *тупи* имеют округлую форму и открывают волосы, которые у девушек, согласно традиционным представлениям, не являются сакрально нечистыми. Край платьев сочетает черты, характерные для более раннего исторического периода (силуэт, длина и ширина рукавов), с новыми чертами (вертикальный разрез ворота, свойственный костюму замужних женщин, и стойка-воротник, вошедший в моду

в первой трети XX в.). На одной из девушки надета жилетка на пуговицах, которая также является новым элементом костюма, получившим широкое распространение среди женщин и девушек в конце 1930-х годов, и стала в дальнейшем традиционным элементом одежды.

Снимок «Выступление 12-летней девочки» (№ 12869), датируемый началом 1930-х годов, в полной мере отражает изменения, произошедшие в девичьем костюме с начала XX столетия. Его основу составляет традиционная рубаха с широкими удлиненными рукавами, на которую надет «халат», изготовленный, вероятно, из плюша. Данная плечевая одежда по покрою напоминает женскую и девичью одежду *камзол* [Люшкевич 1978: 136], которая шилась приталенной, иногда с укороченными, в $\frac{3}{4}$ рукавами. В отличие от *камзола*, не имевшего ворота, на данном «халате» представлен английский воротник. Плечевая одежда такого рода часто встречается на фотографиях девушек и женщин со второй трети XX в. Необычной на данном изображении является манера повязывания платка со свободным узлом сзади и закрывающими волосы концами. Такая манера ношения в конце XIX в. была свойственна группе замужних фертильных женщин.

Таким образом, при анализе материалов фотоколлекции МН СССР и сравнении ее с материалами более раннего исторического периода (конца XIX — начала XX в.) стало возможно определить некоторые особенности детского таджикского костюма второй трети XX в. Во-первых, мы можем наблюдать размывание возрастных границ в костюме девочек, которое проявляется в ношении детьми определенных возрастных групп некоторых элементов одежды, присущих старшим группам. Во-вторых, четко фиксируется сохранение детских старинных головных уборов. В-третьих, отмечаются изменения в крое ворота: традиционный горизонтальный разрез становится вертикальным с воротником-стойкой. И наконец, в костюме детей мы наблюдаем появление новой верхней плечевой одежды и обуви. Одежда мальчиков в данный исторический период представлена двумя основными вариантами: традиционным и европейским.

Библиография

Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. (Сб. МАЭ. Т. XXXIV.) Л., 1978.

Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 1982.

Н.А. Тлеубергенова

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СКОРНЯЖНОМ РЕМЕСЛЕ КАРАКАЛПАКОВ

В связи с природно-географическими особенностями низовьев Амударьи каракалпаки с давних времен занимались комплексным хозяйством: земледелием, скотоводством, рыболовством. Особенности каракалпакской системы комплексного хозяйства отражены в народной поговорке: «Три месяца — молоко, три месяца — дыни, три месяца — тыквы, три месяца — рыба — как-нибудь проживем». Такое хозяйство обеспечивало бытование различных ремесел и промыслов, которые являлись весомым подспорьем в экономической жизни каракалпаков.

Скорняжное ремесло — обработка шкур диких и домашних животных, шитье из них различной одежды — у каракалпаков является древним видом ремесла, о чем свидетельствуют различные источники.

О ношении верхней одежды и головных уборов из шкур диких и домашних животных свидетельствуют фольклорные данные. Каракалпакские этнографы в 70-х годах XX в. по воспоминаниям пожилых информантов восстановили один из видов традиционной зимней одежды каракалпаков *тайшахы* — тулуп